

Данте Алигьери. Вопрос о воде и земле. Dubia

Перевод В.П. Зубова

Всех и каждого, кто увидит это писание, Данте Алигьери, флорентиец, ничтожнейший среди подлинно философствующих, приветствует именем Того, кто есть источник истины и свет.

Да будет всем вам ведомо, что, когда я находился в Мантуе, встал некий вопрос, по поводу которого многократно возникал шум, касавшийся больше внешней видимости, чем существа дела, так что вопрос этот оставался нерешенным. Вот почему, будучи с детства воспитываем в неуклонной любви к истине, я не мог потерпеть, чтобы помянутый вопрос оставался необсужденным, и мне приятно было раскрыть в отношении него правду, а равно и опровергнуть контраргументы, -- как из любви к истине, так и из ненависти ко лжи. И дабы недоброжелательство многих, привыкших сочинять неправду в отсутствие людей, которым они завидуют, не изменило бы как-нибудь за моей спиной хорошо сказанное, мне захотелось, кроме того, на этих листах, писанных моею собственной рукой, оставить то решение, которое было мною предложено, и очертить пером форму всей диспутации.

Итак, вопрос стоял о положении и фигуре (т. е. о форме) двух стихий, а именно воды и земли; и здесь под словом "форма" я понимаю ту, которую Философ в "Продикаментах" относит к четвертому виду качества. Притом вопрос был ограничен следующей проблемой как началом всей подлежащей отысканию истины: вода в своей сфере, то есть в своей естественной окружности, оказывается ли где-нибудь выше, чем выступающая из вод суша, обычно называемая обитаемой четвертью земли. И доказывалось, что да, на основании многих доводов, из которых я, опустив кое-какие из-за легковесности, сохранил пять, имевших видимость известной убедительности.

Первый довод был таков: невозможно, чтобы у двух окружностей, неодинаково отстоящих друг от друга, был один и тот же центр; окружность воды и окружность земли неодинаково отстоят друг от друга; следовательно... и т. д. Далее аргументация велась так: если центр земли есть центр вселенной, что подтверждается всеми, а все, что в мире имеет положение иное, находится выше, то делалось заключение, что окружность воды выше, чем окружность земли, ибо окружность охватывает со всех сторон этот центр. Бульшая посылка главного силлогизма выводилась как будто из того, что доказано в геометрии, а меньшая посылка -- из показаний чувств, так как мы видим, что в одном месте окружность земли охватывается окружностью воды, а в другом месте нет.

Более благородному телу приличествует более благородное место; вода -- более благородное тело, чем земля; следовательно, воде приличествует более благородное место. И так как место тем благороднее, чем оно выше, из-за большей близости к благороднейшему объемлющему телу, то есть к первому небу, следовательно... и т. д. Я не говорю, что место воды выше места земли, а следовательно, вода выше земли, коль скоро положение места и положение того, что находится в этом месте, друг от друга не отличаются. Бульшая и меньшая посылка главного силлогизма этого довода в качестве очевидных опускались. Третий довод был следующий: всякое мнение, противоречащее показанию чувств, есть плохое мнение; полагать, что вода не находится выше земли, значит противоречить показанию чувств; следовательно, это есть плохое мнение. О первой посылке утверждалось, что она явствуется из слов Комментатора

в толковании третьей книги "О душе"; вторая, или меньшая, посылка доказывалась на основании опыта моряков, которые, находясь в море, видят горы ниже себя; и они доказывают, ссылаясь на то, что видят эти горы, поднявшись на мачту, с палубы же корабля не видят, а это, надо полагать, происходит оттого, что земля значительно ниже и не достигает хребта моря.

В-четвертых, аргументировалось так: если бы земля не была ниже воды, она была бы совершенно безводной, разумеется в открытой своей части, о которой вопрос ставится; и тогда не было бы ни источников, ни рек, ни озер; противоположное этому мы наблюдаем; потому истинным является суждение, противоположное тому, из которого этот вывод следовал, то есть вода выше земли. Следствие доказывалось на основании того, что вода естественно перемещается книзу, и так как море есть начало всех вод (что является из слов Философа в его "Метеорах"), то, если бы море не было выше, чем земля, вода не двигалась бы к этой земле, коль скоро при всяком естественном движении воды исходное начало движения должно находиться выше.

Далее аргументировалось в-пятых: вода явно наиболее следует движению Луны, что видно из прилива и отлива моря; поскольку, стало быть, круг Луны эксцентричен, представляется разумным, чтобы вода в своей сфере подражала эксцентричности круга Луны и, следовательно, сама была эксцентричной; и, так как этого не может быть иначе как при условии, что она выше земли (это было показано в первом доводе), следует то же самое, что и раньше.

Таким образом, основываясь на этих доводах и не помышляя о других, они пытаются доказать, что их мнение истинное, то есть мнение тех, кто полагает, будто воды выше открытой, или обитаемой, части земли, хотя о противном свидетельствуют и чувства и разум. Ведь, основываясь на чувствах, мы видим, что по всей земле реки стекают как в южное, так и в северное море, как в море восточное, так и в море западное, чего не было бы, если бы начала рек и протяжение их русел не находилось выше поверхности моря. Что же касается разума, это станет ясным дальше; и будет доказано это многими доводами -- при выяснении или решении вопроса о положении и форме двух стихий, как это уже намечено было выше.

Порядок будет таков. Во-первых, будет доказана невозможность того, что воды в какой-нибудь части своей окружности выше, чем выступающая из нее или открытая земля. Во-вторых, будет доказано, что эта выступающая земля повсюду выше, чем вся поверхность моря в целом. В-третьих, будут выдвинуты возражения против доказанного и даны опровержения их. В-четвертых, будет показана финальная и действующая причина этого более высокого положения, или выступления земли из воды. В-пятых, будет дано опровержение аргументов, приведенных нами выше.

Я говорю, следовательно, в отношении первого пункта, что, если бы вода, рассматриваемая в пределах своей окружности, была где-нибудь выше, чем земля, это по необходимости происходило бы одним из двух указываемых далее способов: либо вода была бы эксцентричной, как утверждали первый и пятый доводы, либо вода, будучи концентричной, имела бы какой-нибудь бугор и здесь выступала бы над землею; иных способов нет, что достаточно ново для того, кто вдумается в это. Но ни то ни другое невозможно; следовательно, невозможно и то, из чего или благодаря чему получалось либо то, либо другое. Вывод явствует на основании "места" тоники, называемого *locus a sufficienti divisione causae*; невозможность консеквента станет явной из того, что будет доказано дальше.

Таким образом, для уяснения последующего нужно сделать два предположения: во-первых, что вода естественно движется книзу; во-вторых,

что вода есть от природы текучее тело, не ограничиваемое посредством собственной границы. И если кто-нибудь станет отрицать оба эти принципа или один из них, то к нему предлагаемое дальше решение не относится; ведь с отрицающим принципом какой-либо науки не следует вести спора в пределах этой же самой науки, как явствует из первой книги "Физики"; притом эти принципы найдены посредством чувств и индукции, каковым свойственно такие принципы отыскивать, что явствует из первой книги "Никомаховой этики".

Итак, до опровержения первого члена консеквента, я говорю, что невозможно воде быть эксцентричной. Доказываю я это так. Если бы вода была эксцентричной, получались бы три невозможных следствия. Первое -- что вода была бы способна естественным образом двигаться и кверху и книзу; второе -- что вода не двигалась бы книзу по той же линии, что и земля; третье -- что тяжесть предсказывалась бы омонимически о той и другой. Все это представляется не только ошибочным, но и невозможным.

Заключение разъясняется так. Пусть небо будет изображено посредством окружности, на которой обозначено три креста, вода -- посредством той, где обозначено два, а земля -- где один; и пусть центром неба и земли будет точка, где стоит *A*, а центр эксцентричной воды -- точка, где стоит *B*, как это видно на вычерченном здесь чертеже. Я утверждаю, следовательно, что, если вода находится в *A* и имеет открытый для нее проход, она естественно будет двигаться к *B*, ибо всякое тяжелое тело естественно движется к центру своей окружности; и так как движение от *A* к *B* есть движение кверху (поскольку *A* находится абсолютно внизу в отношении всего прочего), вода станет естественно двигаться вверх. И это была та первая невозможность, о которой говорилось выше. Кроме того, пусть в *Z* находится комок земли и там же -- некоторое количество воды и пусть отсутствует всякая помеха; поскольку, стало быть, по сказанному, все тяжелое движется к центру собственной окружности, земля станет двигаться по прямой линии к *A*, а вода -- по прямой линии к *B*; но это должно будет происходить по разным линиям, как явствует из чертежа; сказанное не только невозможно, но этому посмеялся бы Аристотель, если бы слышал. И это было второе, что нужно было разъяснить. Третье же я разъясняю так: тяжелое и легкое суть страдательные состояния простых тел, движущихся прямолинейно; притом легкие тела движутся кверху, а тяжелые -- книзу. Ведь я подразумеваю под тяжелым и легким нечто способное к движению, как полагает это Философ в сочинении "О небе и вселенной". Если, таким образом, вода двигалась бы к *B*, а земля к *A*, поскольку обе они тяжелые тела, они двигались бы книзу в разные места, а для этого не может быть одно и то же основание, коль скоро одно положение -- абсолютно низкое, а другое -- низкое относительно. И так как различие в отношении целей свидетельствует о различии в том, что ради этих целей существует, ясно, что у воды и у земли будет различное основание подвижности; а так как различие основания вместе с тождеством обозначения создает эквивокацию, что явствует из слов Философа в "Антепредикаментах", то, следовательно, тяжесть омонимически предсказывается о воде и земле, и это был третий пункт заключения, который надлежало разъяснить. Таким образом, это становится ясным на основе подлинного доказательства из рода тех, посредством которых я доказал неверность того, что вода не эксцентрична. И это был первый член консеквента главного заключения, который надлежало опровергнуть.

Для опровержения второго члена консеквента главного заключения я говорю: равным образом невозможно, чтобы вода была бугристой. Доказываю я это так. Пусть небо -- там, где помечено четыре креста, вода -- где три,

земля -- где два, а центр земли и концентричной с нею воды пусть будет D . Притом нужно заранее заметить себе, что вода не может быть концентричной с землей иначе как при условии, если земля в какой-то своей части будет иметь бугор, поднимающийся над окружностью, описанной вокруг центра, что ясно для тех, кто сведущ в математике. Если окружность воды в какой-нибудь части выступает, пусть бугор воды будет H , а бугор земли G ; затем следует провести линии, одну от D к H и другую от D к F ; тогда ясно, что линия, проходящая от D к H , длиннее, чем линия от D до F , а потому вершина ее выше, чем вершина другой; и, так как та и другая в вершине своей касаются поверхности воды, не переходя за нее, ясно, что вода бугра будет выше по сравнению с поверхностью, обозначенной F . Коль скоро, стало быть, там нет препятствия (если истинно предположенное ранее), вода бугра будет опадать, пока не сравняется в D с центральной или правильной окружностью; и тогда невозможно оставаться или существовать бугру, что и требовалось доказать. Кроме этого сильнейшего доказательства, можно еще с известной вероятностью показать, что у воды нет бугра, выступающего за правильную ее окружность, ибо то, что может совершаться посредством одного, лучше, если совершается посредством одного, чем посредством многого; но выступание земли над поверхностью воды может происходить посредством одного-единственного земляного бугра, как станет ясным дальше; следовательно, у воды бугра нет, если Бог и природа всегда делают и хотят того, что лучше, что явствует из слов Философа в книгах "О небе и вселенной" и во второй книге "О возникновении животных". Таким образом, достаточно уясняется первый пункт, а именно что невозможно воде в какой-то части своей окружности быть более высокой (т. е. более удаленной от центра мира, нежели поверхность нашей обитаемой земли), и это было первое по порядку, о чем надлежало сказать.

Следовательно, невозможно воде быть эксцентричной, что было доказано посредством первого чертежа, и иметь какой-либо бугор, что было доказано посредством второго; необходимо, стало быть, чтобы она была концентричной и всюду ровной, то есть в любой части своей окружности, отстоящей на одинаковое расстояние от центра мира, как это уясняется само собою.

Теперь я аргументирую так. Все, что выступает над какой-нибудь частью окружности, одинаково отстоящей от центра, дальше от этого центра, чем какая-либо часть этой окружности. Но все берега, как самой Амфитриты, так и средиземных морей, выступают над поверхностью примыкающего к ним моря, что ясно видно всякому. Следовательно, все берега дальше от центра мира, поскольку центр мира есть и центр моря (как мы уже видели) и поверхности берегов суть части всей поверхности моря в целом. И так как все более удаленное от центра мира находится выше, следовательно, все берега выступают над морем в целом; а если берега, то тем более другие области земли, ибо берега -- самые низкие части земли, что показывают стекающие к ним реки. Большая посылка этого доказательства доказывается в геометрических теоремах, а меньшая -- понятна, хотя имеет свою силу, как, например, в том, что выше было доказано от невозможного. И так становится ясным второй пункт.

Но против того, что было установлено, аргументируется так. Наиболее тяжелое тело повсюду одинаково и сильнее всего стремится к центру; земля есть наиболее тяжелое тело; следовательно, она повсюду одинакова и сильнее всего стремится к центру. И из этого заключения вытекает, как я разъясню, то, что земля во всех частях своей окружности одинаково отстоит от центра (поскольку выше сказано: одинаково) и что она находится ниже всех тел (поскольку сказано: сильнее всего); а отсюда следовало бы (если вода концентрична, как это утверждается), что земля повсюду была бы покрыта водою

и невидима, противоположное чему мы наблюдаем. Что это вытекает из заключения, я разъясняю так. Возьмем суждение, противоречащее или противоположное консеквенту, гласящему, что земля во всех частях одинаково отстоит от центра, и скажем, что она не отстоит одинаково; допустим, что с одной стороны поверхность земли отстоит от центра на двадцать стадиев, а с другой -- на десять; таким образом, одно ее полушарие будет большей величины, чем другое; и неважно, мало ли или много они разнятся по расстоянию от центра, лишь бы они разнились. Коль скоро, стало быть, у большего объема земли большая сила тяжести, то большее полушарие посредством перевешивающей силы своей тяжести будет толкать полушарие меньшее, пока объемы того и другого не сравняются, а благодаря такому выравниванию выравнивается и тяжесть; таким образом, всюду получится расстояние пятнадцать стадиев, как мы это видим и при подвешивании и выравнивании тяжестей на весах. Отсюда мы приходим к заключению: невозможно, чтобы земля, одинаково стремящаяся к центру, отстояла различно или неодинаково от него на своей окружности. Следовательно, необходимо то, что противоположно неодинаковому отстоянию, то есть необходимо отстоять одинаково, коль скоро она отстоит на какое-то расстояние. И так разъяснен вывод в отношении первой своей части, то есть одинакового отстояния. Что же касается второй части вывода -- что земля находится ниже всех тел (а это, как было сказано, также вытекает из заключения),-- ее я разъясняю так. Наиболее мощная сила наиболее достигает цели; ведь оттого она и наиболее мощная, что быстрее и легче всего способна достичь цели; наиболее мощная сила тяжести -- в теле, наиболее стремящемся к центру, и это есть земля; следовательно, земля наиболее достигает цели тяжести, то есть центра мира; следовательно, она будет находиться ниже всех тел, если наиболее стремится к центру, что и надлежало разъяснить во-вторых. Таким образом, разъясняется, что невозможно воде быть концентричной земле, а это противоречит тому, что было установлено.

Но этот довод, видимо, не имеет доказательной силы, так как предложение, являющееся большей посылкой главного силлогизма, видимо, не является необходимым. Ведь утверждалось, что наиболее тяжелое тело повсюду одинаково и наиболее стремится к центру; но это, видимо, не является необходимым, так как хотя земля и есть наиболее тяжелое тело в сравнении с другими, однако в сравнении с самою собою, то есть со своими частями, она может быть и наиболее тяжелой и не наиболее тяжелой, поскольку она может быть с одной стороны тяжелее, чем с другой. Ведь поскольку уравнивание тяжелого тела происходит не на основании объема как такового, а тяжести, могло бы происходить уравнивание тяжести и без уравнивания объемов; и, таким образом, это доказательство -- мнимое и несуществующее.

Подобное возражение, однако, не имеет никакой силы, ибо оно проистекает из незнания природы однородных и простых тел; ведь есть тела однородные и простые; однородные, как, например, очищенное золото и простые, как, например, огонь и земля, во всех своих частях равномерно наделяются качествами всех своих естественных страдательных состояний. Вот почему, если земля есть тело простое, она в своих частях равномерно наделяется качествами,-- естественно и, так сказать, сама собою; оттого, раз тяжесть естественно присуща земле и земля есть тело простое, необходимо, чтобы она во всех своих частях имела равномерно распределенную тяжесть, пропорциональную величине тела; и так уничтожается главное основание возражения. Вот почему надлежит отвечать, что довод возражения софистичен, так как он обманывает и относительно и абсолютно. Для понимания сказанного нужно знать, что универсальная природа всегда достигает своей цели, а

потому, хотя природа частная иногда и не достигает намеченной цели из-за неподатливости материи, тем не менее универсальная природа отнюдь не может отклониться от своего намерения, коль скоро универсальной природе одинаково подчинены и действие и потенция вещей, способных существовать и не существовать. Но намерение универсальной природы заключается в том, чтобы все формы, существующие потенциально в первой материи, становились действующими и существовали бы актуально в своей специфичности, дабы первая материя, рассматриваемая в своем целом, имела любую материальную форму, хотя, рассматриваемая в своей отдельной части, она была бы лишена всех форм, кроме одной. Ведь раз все формы, существующие в материи идеально, существуют актуально в двигателе неба, как говорит о том Комментатор в сочинении "О субстанции неба", то, если бы все эти формы не существовали всегда актуально, двигатель неба терпел бы умаление в целостности разливаемой им благодати, чего утверждать нельзя. И если все материальные формы возникающих и уничтожающихся вещей, исключая формы стихий, нуждаются в материи или в носителе сложном и составном, в отношении которого как в отношении своей цели стихии, взятые сами по себе, упорядочиваются, и если сложное тело [mixia] невозможно там, где компоненты его [miscibilia] не способны существовать вместе, что явствует само собой, то непременно должна существовать во вселенной часть, где все компоненты сложных тел, то есть стихии, могли бы встречаться; а этого не могло бы быть, если бы земля в какой-то части не выступала из воды, что очевидно для всякого, кто пожелает вдуматься. Вот почему, если намерению универсальной природы повинуются вся природа, необходимо было также, чтобы у земли, помимо простой природы, заключающейся в том, чтобы находиться внизу, была бы еще и другая природа, при посредстве которой земля повиновалась намерению универсальной природы, а именно чтобы она могла частично подниматься под влиянием неба, словно повинаясь предписанию; то же самое мы видим на примере страстного и раздражительного начал в человеке, -- хотя соответственно их собственному устремлению они движутся под действием чувственной аффектации, однако в той мере, в какой они способны повиноваться разуму, они иногда отвлекаются от этого собственного их устремления, как явствует из первой книги "Этики".

А потому, хотя земля в соответствии с простой своей природой одинаково стремится к центру, как говорилось о том в доводе возражения, однако в соответствии с некой своей природой она поддается частичному поднятию, повинаясь природе универсальной, чтобы возможно было образование сложных тел [mixtio]. И в согласии с этим сохраняется концентричность земли и воды и не получается ничего невозможного у правильно философствующих, как явствует из чертежа. Пусть небо будет круг, обозначенный буквой *A*, вода -- круг, обозначенный буквой *B*, земля -- буквой *C*, и неважно для нашей цели, мало или много отстоит поверхность воды от земли. Притом надлежит знать, что этот чертеж правильный, ибо он соответствует форме и положению обеих стихий, тогда как оба ранее помещенных -- неверны и помещены они не потому, что так есть на самом деле, а потому, что так думает учащий, согласно слову Философа в первой книге "Первой аналитики". И что земля поднимается над водою не посредством бугра и не посредством центральной дуги окружности, явствует с несомненностью, если рассмотреть фигуру поднимающейся над водою земли. Ведь фигура поднимающейся над водою земли есть фигура полумесяца; и такая фигура никак не могла бы получиться, если бы земля поднималась над водою соответственно дуге правильной, или центральной, окружности. Ведь, как доказано в математических теоремах, необходимо, чтобы правильная окружность сферы поднималась над плоской или сферической поверхностью, каковой должна

быть поверхность воды, образуя горизонт в виде круга. А что поднимающаяся над водою земля должна иметь фигуру, подобную полумесяцу, явствует как из суждений природоведов, трактующих о ней, так и из суждений астрологов, описывающих климаты, и из суждений космографов, размещающих земли по всем странам света. Ведь земля, на которой мы обитаем, как это принимается обычно всеми, простирается по линии длины от Гад, построенных Геркулесом у западных пределов, до устьев реки Ганга, о чем пишет Орозий. Длина эта такова, что, когда Солнце, находясь на экваторе, заходит для тех, кто живет у одного из пределов, оно восходит для тех, кто живет у другого из пределов, что установлено астрологами на основании лунного затмения. Итак, пределы указанной длины должны отстоять друг от друга на CLXXX градусов, то есть на половину длины всей окружности. По линии же широты, как мы обычно это утверждаем, следуя за теми же авторами, обитаемая земля простирается от тех, у кого в зените экваториальный круг, до тех, у кого в зените круг, описанный вокруг полюса мира полюсом Зодиака, отстоящим от полюса мира примерно на 23 градуса; и, таким образом, протяжение в ширину составляет почти 47 градусов и не более, что ясно тому, кто пожелает вдуматься. И, таким образом, ясно, что земля, выступающая над водою, должна иметь фигуру полумесяца или почти такую, ибо подобная фигура получается, как очевидно, при указанной ширине и длине. Если же она имела бы горизонт в виде круга, то имела бы фигуру круга *сум конвехо*; и тогда длина и ширина не отличались бы по расстоянию между их пределами, что способны понять даже женщины. И так разъясняется то, что надлежало сказать по порядку в третьем пункте.

Тот же самый довод исключает из этого рода причинности и все планетные круги; и, так как сфера Перводвигателя, то есть девятая сфера, единообразна в своем целом, а следовательно, единообразно одарена в целом своею силой, нет основания, почему бы она поднимала с одной стороны более, чем с другой. Поскольку, стало быть, нет других подвижных тел, кроме звездного неба, то есть восьмой сферы, необходимо, следовательно, это действие сводить к нему.

Для уяснения сказанного надлежит знать, что хотя звездное небо по своей субстанции едино, однако оно имеет множественность по своей силе; вот почему ему надлежало иметь то различие в отношении частей, которое мы видим, чтобы посредством различных орудий источать различные влияния; и тот, кто этого не замечает, пусть считает себя еще не переступившим порога философии. Мы видим в этом небе различие величины звезд, света, фигур и образов созвездий; такие различия не могут существовать напрасно, что должно быть совершенно очевидным для всех философски обученных людей. Вот почему одна сила у этой звезды и той и другая -- у этого созвездия и того и одна сила у звезд, которые находятся по сю сторону экватора, иная -- у тех, которые находятся по ту его сторону. Вот почему, если лики внизу подобны ликам вверх, как говорит Птолемей, следует, что это действие нельзя свести ни к чему иному, кроме звездного неба, как мы только что видели; ибо подобие в действующей силе агента имеется в той части неба, которая осеняет нашу открытую часть суши. И так как эта открытая земля простирается от линии экватора до линии, описываемой полюсом Зодиака вокруг полюса мира, что было сказано выше, ясно, что подъемлющая сила присуща звездам, находящимся в той части неба, которая ограничена этими двумя кругами, -- безразлично, поднимет она посредством притяжения, как магнит притягивает железо, или посредством толкования, порождая толкающие пары, например в отдельных горных впадинах [*montuositatibus*]. Но теперь спрашивается: если названная часть неба движется по кругу, почему же названное поднятие земли не имело равным образом форму круга? Отвечаю: оно не имело форму круга потому, что

недоставало материи для такого поднятия. Но тогда аргументируют дальше и спрашивают: почему же поднятие полусферы было с этой стороны, а не с противоположной? На это следует сказать так же, как Философ говорит во второй книге "О небе", спрашивая, почему небо движется с востока на запад, а не наоборот; а именно он говорит там, что подобные вопросы проистекают либо от великой глупости, либо от великой дерзости, ибо они превосходят наш интеллект. Вот почему на этот вопрос следует ответить, что оный славный промыслитель Бог, размышлявший о расположении народов, о расположении центра мира, о расстоянии последней окружности вселенной от ее центра и о прочем подобном, сделал это лучшим образом, как и то. А потому, когда он сказал "да соберутся воды в одно место, и да явится суша", он одновременно наделил и небо способностью действовать и землю способностью воспринимать эти воздействия.

Пусть же перестанут, пусть перестанут люди доискиваться того, что превыше них, и пусть ищут они до тех пределов, до каких могут, чтобы по мере возможности своей увлекаться до бессмертного и божественного и оставлять то, что больше них. Пусть прислушиваются они к другу Иову, говорящему: "Разве ты постигнешь следы Божьи и обретешь Всемогущего во всем совершенстве его?" Пусть прислушаются они к Псалмопевцу, говорящему: "Дивен стал разум твой от меня, утвердился, и не могу достичь его". Пусть прислушаются к Исайе, говорящему: "Насколько отстоят небеса от земли, настолько отстоят пути мои от путей ваших" (говорил он от лица Бога к человеку). Пусть прислушаются они к голосу апостола, говорящего римлянам: "О глубина богатств разума и премудрости Божьей, как непостижимы суждения его и неисследимы пути его!" И наконец, пусть услышат они голос самого Творца, говорящего: "Куда я иду, туда вы не можете прийти". И пусть этого будет достаточно для исследования истины, которую мы намеревались раскрыть.

Убедившись в сказанном, легко опровергнуть аргументы, приведенные выше против изложенного мнения. И это была четвертая из намеченных задач. Итак, когда говорилось: "У двух окружностей, неодинаково отстоящих друг от друга, не может быть один общий центр", я говорю, что это истинно, если окружности правильные, без бугра или бугров. И когда в меньшей посылке говорится, что окружность воды и окружность земли таковы, я говорю, что это неверно, *nisi per gibbum*, имеющемуся у земли, а потому довод не имеет силы. На второй довод, когда утверждалось: "Более благородному телу подобает более благородное место", я говорю, что это верно, если иметь в виду собственную природу тела; и я принимаю меньшую посылку. Но когда делается заключение, что вода именно поэтому должна находиться на более высоком месте, я говорю, что это верно, если иметь в виду собственную природу того и другого тела; но под действием вышестоящей причины, как уже было сказано раньше, получается, что на нашей стороне земля выше. И, таким образом, довод имел дефект в первом своем предложении. На третий довод, когда говорится: "Всякое мнение, которое противоречит чувствам, есть плохое мнение", я говорю, что довод этот проистекает из ложного воображения. Ибо моряки воображают, будто не видят землю, находясь на корабле в море, оттого что море выше, чем земля. Но это не так, скорее, было бы наоборот: если бы море было выше, они больше видели бы. А бывает это оттого, что прямой луч видимого предмета, проходящий от этого предмета к глазу, отражается от выпуклой поверхности воды; ведь, так как вода должна иметь повсюду круглую форму вокруг центра, необходимо, чтобы на известном расстоянии она образовала препятствие в виде выпуклости. На четвертый довод, когда аргументировалось: "Если земля не находилась бы ниже и т. д.", я говорю, что этот довод зиждется на ложном основании, а потому не

имеет никакой силы. Ведь простаки и не знающие физических аргументов думают, будто вода поднимается в виде воды до вершины гор или до места источников; но это сущее ребячество, ибо воды зарождаются там впервые, когда материя поднимется туда в виде пара (что явствует из слов Философа в его "Метеорах"). На пятый довод, когда говорится, что вода есть тело, подражающее кругу Луны, и на этом основании делается заключение, что она должна была бы быть эксцентричной, коль скоро круг Луны эксцентричен, я говорю, что этот вывод не является необходимым. Ведь хотя бы что-либо и подражало другому в чем-либо, это не значит, что оно по необходимости подражает ему во всем. Мы видим, что огонь подражает круговращению неба, и тем не менее он не подражает ему ни в своем прямолинейном движении, ни в том, что имеет нечто противоположное своему качеству, а потому довод не имеет силы. И таков ответ на аргументы.

Таким образом, стало быть, определяется решение вопроса о форме и положении двух стихий, что было выше поставлено в качестве задачи.

Изложена была эта философия при правлении непобедимого владыки, господина Кан Гранде делла Скала, наместника Священной Римской империи, мною, Данте Алигьери, ничтожнейшим из философов, в знаменитом граде Вероне, в святилище преславной Елены, в присутствии всего веронского клира, за исключением некоторых, кто, пылая чрезмерной любовью к ближнему, не приемлют чужие доводы и, будучи нищи Духом Святым, по своему смирению не желают служить доказательством чужого превосходства, а потому избегают присутствовать при чужих речах. И совершено это было в год от рождения Господа нашего Иисуса Христа тысяча триста двадцатый, в день Солнца, каковой день оный наш Спаситель повелел чтить нам ради преславного Своего Рождества и дивного Своего Воскресения; день этот был седьмой после январских ид и тринадцатый до февральских календ.